

"Жизнь идёт, как стихи"

Пушкин

Ярославль
2012

Департамент культуры Ярославской области
Государственное учреждение культуры Ярославской области
«Областная юношеская библиотека имени А.А. Суркова»
Научно-методический отдел

«ЖИЗНЬ ИДЁТ, КАК СТИХИ»

***(ярославский литературный сюжет о тайнах
юношеской любви)***

Ярославль
2012

83.3(2Рос=Рус)
Ж 71

«Жизнь идёт, как стихи» / авт.-сост. С.Н. Левагина; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО «Обл. юнош. б-ка им. А.А. Суркова», науч.-методич. отд. - Ярославль, 2012. - 34 с.

© ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», 2012

БИБЛИОТЕКАРЮ

Во втором выпуске цикла методических материалов Областной юношеской библиотеки им. А.А. Суркова «Время читать!»¹ мы предлагаем вам проследовать по ярославским страницам литературных сказаний о юношеской любви. Они заговорят о ней языком XIX и XX столетий. Материал для беседы об утаённой любви Пушкина связан с ярославским следом любимой им женщины и историей написания Ю.Н. Тыняновым третьей («Юность») части романа «Пушкин».

Данный материал может быть использован как полностью (для подготовленной аудитории, причём не только юношеской, но и руководителей чтения) – в виде литературного вечера-исследования «Жизнь идёт, как стихи»², так и выборочно (обращая внимание также и на сноски) – для проведения беседы по литературному краеведению. Он призван помочь современным молодым читателям почувствовать глубокие корни, высоту и благородство актуальной во все времена темы юношеской любви и найти в русской литературе опору в сложных жизненных ситуациях. Как нашёл её один из героев нашего вечера – замечательный писатель и литературовед Юрий Николаевич Тынянов.

Необходимо обратить внимание на психологические моменты, проявляющиеся в представленном материале. Речь пойдёт о феномене юношеской любви, в понимании которой, по мнению психологов, следует чётко разделять сексуальность и эотику³. «В качестве переживаний они

¹ Первый выпуск данного цикла: Парабола бесконечности: вечер юношеской поэзии / сост. С.Н. Левагина; отв. за вып. Н.Н. Щепеткова; ГУК ЯО «Обл. юнош. б-ка им. А.А. Суркова. – Ярославль, 2010. – 34 с.

² Так цитирует в своих выступлениях эти слова из романа Тынянова «Пушкин» В.А. Каверин; у Ю.Н. Тынянова во всех изданиях: «Жизнь идёт, как стих».

³ Эротика является преимущественно душевной формой любви и носит в основе эстетический характер.

глубоко отличаются друг от друга по своей окраске и принадлежат к различным слоям психики»,⁴ да и в сознании подростка они вначале резко отделены друг от друга. «Обе сферы переживаний могут уже иметься налицо. Но предмет эротического чувства совершенно иной, нежели предмет сексуального влечения».⁵

Это имеет глубокий смысл с точки зрения развития, так как «в переходном возрасте сексуализация эротического разрушила бы идеальную любовь, полная же эротизация сексуального ещё не может удалась – симптом того, что именно сексуальная сторона ещё не вполне созрела в это время».⁶

Кроме того, *«часто движущей силой подростковой сексуальности являются эмоциональные потребности, которые не имеют к сексу никакого отношения. Эти эмоциональные потребности включают в себя желание ощутить чью-то нежность, избавиться от одиночества, получить признание, подтвердить свою мужественность или женственность, повысить самооценку, выразить гнев или избежать скуки. Секс становится средством выражения и удовлетворения несексуальных потребностей»*.⁷

С другой стороны, первостепенная задача юности, заключающаяся в формировании идентичности⁸, предполагает необходимость во что-то верить или следовать каким-либо принципам, идеалам; «Эриксон называет этот процесс «поиском символа веры»⁹. «Для подростка... особенно характерно то, ...что ценность,

⁴ Шпрингер Э. Эротика и сексуальность в юношеском возрасте / Э. Шпрингер // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность: Хрестоматия: Учеб. пособие для студ. пед. вузов / сост. и науч. ред. В.С. Мухина, А.А. Хвостов. – М., 2000. – С. 500.

⁵ Там же, с. 502.

⁶ Там же.

⁷ Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Филипп Райс. – СПб, 2000. – С. 267.

⁸ Идентичность – чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям.

⁹ Там же, с. 61.

которую он ищет и находит, совершенно отождествляется... с живым человеком, в котором он видит её воплощённой. Вера подростка в идеал есть вера в любимого им человека. Горе, если этот человек не оправдывает этой веры. Тогда весь идеальный мир может рухнуть. У женщины такое отношение к ценности жизни сохраняется и после юношеской поры. Женщины понимают мир *исключительно* через его воплощение в любимом человеке... Зрелый мужчина выходит за пределы такого отношения, научаясь в конце концов любить самую ценность, которая в качестве бесконечной задачи наполняет содержанием его жизнь как личности».¹⁰

Юношеская любовь начинается с переживания внешней красоты, которая является для молодого человека доказательством красоты внутренней (отсюда частые увлечения недостойным предметом, приводящие к трагедиям). «Лишь постепенно, по мере собственного созревания, научается юноша воспринимать *одухотворённую* красоту. Тогда образ, который был некрасивым в первом смысле, может стать красивым в другом, более высоком смысле... Такова та ступень, которой должен достичь юноша».¹¹ Любовь, бывшая вначале лишь созерцанием, образом, нарисованным фантазией, превращается в более глубокое духовное взаимопроникновение, в духовную связь. Такая любовь влияет на обретение идентичности – она помогает человеку расти.

Именно о такой любви, способствующей человеческому росту, самостоянию человека в жизни и идёт речь в представленном вашему вниманию литературном вечере. Для лучшего восприятия материала рекомендуем

¹⁰ Шпрангер Э. Эротика и сексуальность в юношеском возрасте / Э. Шпрангер // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность: Хрестоматия: Учеб. пособие для студ. пед. вузов / сост. и науч. ред. В.С. Мухина, А.А. Хвостов. – М., 2000. – С. 505-506.

¹¹ Там же, с.504.

участие в нём, кроме одного или двух ведущих, также и чтецов, читающих, соответственно, тексты А.С. Пушкина, отрывки из романа Ю.Н. Тынянова «Пушкин» и воспоминания о Тынянове.

Вечер необходимо сопроводить выставкой, раскрывающей фонд художественной литературы о юношеской любви, имеющийся в библиотеке. Это могут быть такие произведения, как «Ромео и Джульетта» В.Шекспира, «Ася» и «Первая любовь» И. Тургенева, «Белые ночи» и «Униженные и оскорблённые» Ф. Достоевского, «Митина любовь» и «Таня» И. Бунина, «Олеся» А. Куприна, «Джейн Эйр» Ш. Бронте, «Вам и не снилось» и «Год Алёны» Г. Щербаковой, «Нетерпение сердца» С. Цвейга, «Я вижу солнце» Н. Думбадзе, «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» Р. Фраермана, «Ромео, Джульетта и тьма» Я. Отченашека, «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса, «Изобретение велосипеда» Ю. Вяземского, «История любовная» И. Шмелёва¹², юношеские стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина и другие. Выставке «...Она не ведает обмана и верит избранной мечте...» можно предпослать эпиграф:

*«Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Её порывы благотворны,
Как бури вешие полям:
В дожде страстей они свежуют,
И обновляются, и зреют...»¹³
(А.С. Пушкин).*

Литературный вечер «Жизнь идёт, как стихи» - дань нашей благодарной памяти и любви Александру Сергеевичу Пушкину в год 175-летия со дня его гибели.

¹² По повести Ивана Шмелёва «История любовная» современным ярославским аниматором, обладателем американской премии «Оскар» Александром Петровым был поставлен всемирно известный анимационный фильм «Моя любовь».

¹³ Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. Т. IV. – М., 1981. – С. 151.

Жизнь идёт, как стихи»

(Литературный вечер-исследование о тайнах
юношеской любви)

Ведущий.

«Тайна сия велика есть»¹⁴, - сказано в Библии о любви. Есть ли у неё общие закономерности? Знаменитым испанским философом Ортега-и-Гассетом было отмечено, что даже великие люди пишут о любви только в меру своего личного опыта, и это личное ощущение кажется им единственно верным. Оттого не стоит так уж верить, например, Стендалю, когда он в своём трактате «О любви» даёт *как бы* научную картину того, как рождается любовь, растёт, а потом – непременно! - умирает. Непременно умирает она только потому, что так происходило у самого Стендаля.

Разговор о любви в юности неотделим от тайны самой жизни, от саморазвития человеческого. «Нужды нет, - пишет тончайший пушкиновед Валентин Непомнящий, - что тайна в итоге останется всё-таки тайной, то есть никогда не исчерпывается до конца, главное состоит в том, что мы попадаем в сферу её притяжения, она направляет наши усилия, и наш процесс освоения мира, сводившийся раньше к *познанию-потреблению*, получает шанс превратиться в *познание-восхождение*».¹⁵ Таким образом, любые наши логические рассуждения – всего лишь инструмент, средство в стремлении к *высокой глубине*¹⁶. Какое счастье, что с нами остаются великие тексты, непосредственно на этой *высокой глубине* взращённые!

¹⁴ Из Послания апостола Павла к Ефесянам, в наставлении его мужьям и жёнам: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика <есть>». Еф., 56:3.

¹⁵ Непомнящий В.С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. – М., 1987. – С. 387.

¹⁶ Там же.

Возникает особое чувство, когда с сердечными событиями, с великими текстами связаны наши родные места, - *высокая глубина* тогда становится понятнее и ближе нашему сердцу, а вместе с тем и сами родные места обретают ауру высокого и прекрасного. Замечательно сказал об этом Александр Сергеевич Пушкин:

Чтец 1.

**Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид.
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит -
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.¹⁷**

Ведущий.

Это строки о Санкт-Петербурге, и в них поёт память об Анне Олениной. Посвящённые ей стихи, такие, как «Ты и вы»¹⁸ («Пустое *вы* сердечным *ты* она, обмолвясь, заменила...»), широко известны, так же, как сразу был известен их адресат. С именем же той, чьи ножки бродили по ярославским улицам в грозном 1812 году, связана тайна, которую Пушкин хранил всю свою жизнь, - тайна его юношеской любви.

Да, была в жизни Пушкина *любовь, необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь и им самим никогда не названная, «утаённая»*¹⁹. Мы обратимся к

¹⁷ Пушкин А.С. Город пышный, город бедный... / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. Т. II. – М., 1981. - С. 134 - 135.

¹⁸ Там же, с. 124 -125.

¹⁹ Тынянов, Ю.Н. Безыменная любовь / Ю.Н. Тынянов// Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники / Ю.Н. Тынянов; сост. и подгот. текста В.А. Каверина и З.А. Никитиной; коммент. А.Л. Гришунина и А.П. Чудакова; отв. ред. акад. В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1968. – С. 209. Здесь и далее цитирование данной публикации (с. 209-232 названной книги) даётся в тексте курсивом.

замечательному исследованию на этот счёт Юрия Николаевича Тынянова (1894 – 1943), в личности которого редкостно слились качества глубокого, неординарного литературоведа и исследователя поэтического языка с писательским даром. Широко известны его романы «Кюхля» (о лицейском друге Пушкина Вильгельме Кюхельбекере), «Смерть Вазир-Мухтара» (об Александре Грибоедове), рассказы «Восковая персона», «Подпоручик Киже» и другие произведения.

Роман «Пушкин», из-за ранней смерти Тынянова, заканчивается третьей частью, носящей название «Юность»²⁰. Параллельно работе над ней, в 1939 году, и появилась научная статья писателя «Безыменная любовь», выводы которой нашли своё отражение в романе. Исследователи ещё задолго до Тынянова отмечали существование в послелицейской жизни Пушкина «утаённой», «северной» любви. Назывались имена княгини Марии Аркадьевны Голицыной, Марии Раевской (Волконской), Натальи Кочубей (Строгановой), Екатерины, Елены и Софьи Раевских, девушки-татарки, компаньонки Раевских Анны Ивановны, Софьи Киселёвой (Потоцкой). Но ни одна из данных версий не объясняла, почему эту любовь нельзя было рассекретить, почему даже близкие друзья поэта не знали заветного имени. Смелая тыняновская мысль, опиравшаяся на глубокое прочтение текстов Пушкина и на писательское вчувствование в его образ, доказательно объясняла всё. Более того, следы этой утаённой пушкинской любви Тынянов обнаруживает, начиная с лирики лицейского периода! Вот элегия 1816 года.

²⁰ Первые две части романа «Пушкин» - «Детство» и «Лицей» - вышли отдельной книгой в Ленинграде в 1938 году. Третья часть («Юность») впервые появилась в печати в журнале «Знамя» (1943, №№ 7,8). Полностью роман впервые вышел в составе «Избранных произведений» Ю.Н. Тынянова (М., Гослитиздат, 1956). С издания 1976 года (Л.: Худож. лит., 1976) текст печатается исправленным по черновикам и архивным материалам.

Чтец 1.

ЭЛЕГИЯ

**Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кому луны туманный луч
В полночи светит сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!**

**Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слёзы!²¹**

Ведущий.

В этих юношеских стихах картина счастливой любви написана традиционно, полна общими поэтическими местами, как полагалось писать в среде лицейских товарищей: «луны туманный луч», «дверь прекрасной», отворяемая ключом, «сладострастная» полночь и так далее. *Но любовь несчастливая, вызвавшая стихотворение, удивительна своими... конкретными чертами, даваемыми в первой строфе:*

***Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе***

²¹ Пушкин А.С. Элегия / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. Т I. М., 1981. – С. 140 -141.

Надежда робкая лелеет.

*Не забудем и последнего стиха: о его **слезах**, слезах его любви.*

*Эту безнадёжную страсть, в которой поэт не может сам себе признаться **без ужаса**, комментаторы по инерции приписывают всё той же «литературной» героине лицейских элегий Е.П. Бакуниной... Никому не пришлось задуматься над тем, что признаться себе в страсти к молоденькой, красивой царскосельской фрейлине, сестре лицейского товарища, Пушкин мог без всякого ужаса...*

В Катеньку Бакунину были одновременно с Пушкиным влюблены Пущин и Илличевский, и всем это было известно. Лицейские «отшельники» ловили всякий мелькавший мимо женский образ... Это юношеское, скоропреходящее увлечение, как бы имевшее главным образом цель доставить пищу для элегий, до того мало задело Пушкина, что за всю жизнь он не нашёл случая заинтересоваться ни героиней этих элегий, ни её жизнью...

*В какой же страсти Пушкин-лицеист не мог **без ужаса** признаться сам себе, каких слёз не мог забыть? Такая любовь была, и у него действительно были самые глубокие причины её скрывать.*

Обратимся к роману Тынянова «Пушкин», к тем его страницам, где случайно попавшая в руки боготворимой юным Пушкиным даме его записка, назначавшая свидание совсем другой, более доступной женщине, открыла шлюзы трагедии и счастьем его поэтической сущности, потому что вне поэзии, даже в своей личной жизни, Пушкин существовать не мог. Итак, записку случайно принесли Катерине Андреевне Карамзиной, супруге историографа, знаменитого автора «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, добродетельной даме, которая даже царя, положившего глаз на её красоту, умела держать на расстоянии. И которая была почти на двадцать

лет старше Александра Пушкина. Разумеется, она показала записку мужу, и мальчишку решено было проучить.

Чтец 2.

«Карамзин протянул записку Пушкину. Катерина Андреевна вошла в тот миг, как Пушкин, побледнев, держал свою записку машинально. Увидев её, он ещё больше побледнел <...> Он до того потерялся, что не поздоровался.

Как умён, как мудр Николай Михайлович! Он просто поднял его на смех. Он сказал, что его заступничеству Пушкин обязан тем, что сидит на диване, а не поставлен в угол, что, впрочем, заслужил в полной мере. И потом стал говорить всё горячее. Он говорил с горечью о жалости, которую внушает ему Пушкин <...> Он сказал, что самое смешное во всём этом эпизоде это его годы <...> Что делать со страстным Селадомом в шестнадцать или семнадцать лет? С Ловласом, который забывает своих друзей и до сих пор держит в руках свой манускрипт, по-видимому столь для него дорогой?

Он и вправду до сих пор нелепо держал в пальцах эту записку, как будто онемел и не понимал, что это такое. Тут она засмеялась – это действительно было смешно. Он опомнился, посмотрел на этот листок и скомкал. Наконец он поднял голову и посмотрел на неё с удивлением.

Но она смеялась всё громче.

И тогда он понял, что его любовь, надежда, все его стихи, жизнь – всё, что он о ней думал, будущее – всё осмеяно, ничего нет, ничего не будет. Она смеялась над ним всё громче. И, совершенно неожиданно для самого себя, он заплакал, неудержимо, без слов, держа в руке сложенную записку. Так не плакал он и ребёнком. Он плакал, и слёзы не струились, не текли, а прыгали у

него, и тёмно-зелёная кожаная ручка дивана через минуту блестела, как омытая дождём.

Николай Михайлович тихо удалился. Это было совсем не то, чего он ожидал и желал. Пушкин поднялся, выпустил наконец из руки эту записку-комочек и убежал, не глядя, вперёд, широкими, слепыми, лёгкими шагами, как убегают навсегда. Он не взглянул на неё. А она на него глядела, и, если бы он увидел её взгляд, он не плакал бы как ребёнок и остался бы»²².

Ведущий.

В статье «Безыменная любовь» приводятся свидетельства современников об этом случае. Бартенев записал несколько таких рассказов: в частности, граф Блюдов любил вспоминать, как Карамзин показывал ему в своём кабинете *место, облитое слезами Пушкина*. Но вернёмся к страницам романа «Пушкин». Александр не смеет показаться Карамзиным после своего позора. Он бродит по окрестностям Лицея, по паркам Царского Села...

Чтец 2.

«И он увидел однажды – на восьмой день – ясно: он несчастен, и счастье невозможно. Что было бы, если бы он написал об этом?

**Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса сознаться смеет.**

В страсти. И ему стало легче. Таков он был. Вовсе это не была лицейская любовь. Страсть. И он не смел признаться в ней. Самому себе. Кончились лицейские упражнения, страхи, тайна. Страсть владела им. И был страх перед страстью <...>

²² Тынянов Ю.Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов. – Горький, 1983. – С. 421- 422.

И однажды они встретились, столкнулись случайно, нечаянно. Он вдруг её увидал. Она, привыкнув к корректурам мужа, увидела памятник, всем похожий на её корректуры. Это был монумент Румянцеву-Задунайскому. Чёрный лист с выпуклыми буквами был памятью славной битвы Кагульской. И в этом листе говорилось, как в точной исторической памятке, которых столько она прочла и правила в «Истории государства Российского». Она прочла всё с начала до конца и оперлась о чугун. Было жарко, а здесь холод от чугуна. Она коснулась его, провела пальцем по какому-то имени. Пушкин увидел её вдруг – и вдруг рванулся к ней, как конь, стиснутый шпорой.

Она обрадовалась ему, немного сильнее, чем можно, чем сама ожидала.

Вдруг, задыхаясь, обняв её стан, он стал опускаться и, упав, прижался губами к её узкой стопе. Она закрыла глаза, кажется.

Он ничего не говорил, лежал у её ног, и она не нашлась, как и что сказать ему. Он обезумел <...> Он пал к её ногам как подкошенный, как падают смертельно раненные.

Не раз и не два, днём и под вечер стал он приходить к Кагульскому чугуну. И прочёл весь список Кагула – подробный список победных деяний, весь подробный список героев Кагула. Среди них было имя Аннибала Ивана Абрамовича, которому он обрадовался. Он прочёл весь лист назавтра. В этот день он ни о чём не думал. А возвращаясь от Кагульского чугуна, вдруг засмеялся. Он не умер, не сошёл с ума. Он просто засмеялся какому-то неожиданному счастью. И, пришед домой, он всю ночь писал быстро <...>

Уже пять дней и две ночи писал он новую поэму. Рифма, любовь – и не половинная <...> История русская, родина русская, стародавняя. Рифма была

проверкою верности мыслей. Проверкою верности событий, верности событий истории русской, родины – была любовь. Да, он у Карамзиных учился – у Катерины Андреевны Карамзиной <...> Не поэмка, поэма началась. История земли русской – творение Катерины Карамзиной.

Когда он упал неожиданно к её ногам, когда у Карамзиных плакал бурно, он вдруг понял и почувствовал: есть одно лекарство от этого <...> Русь Владимира не была дряхлой, древней. Она была всё та же <...> И богатыри не кончились. Бой шёл всё за неё, за Людмилу, за красу. Русь была та же. Красота та же»²³.

Ведущий.

Поэма, о которой идёт речь в романе, в которую воплотилось горение сердца юного Пушкина, - это «Руслан и Людмила»; та самая поэма, за которую Жуковский 26 марта 1820 года подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя». Начальные строки этой поэмы наши современники до сих пор знают наизусть:

**У Лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том...²⁴**

Но возвратимся к прозрениям и доказательствам тыняновской «Безыменной любви». Автор приходит к выводу, что именно по просьбе Катерины Андреевны Карамзин хлопотал за опального Пушкина, в результате чего ссылка в Сибирь или на Соловки ему была заменена южной ссылкой, Крымом.

²³ Тынянов Ю.Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов. – Горький, 1983. – С. 424-427, 443..

²⁴ Пушкин А.С. Руслан и Людмила: поэма / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 3 т. Т. 1. – М., 1985. – С. 653.

Чтец 1.

**Я погибал... Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду...**

Ведущий.

Так сказано в эпилоге «Руслана и Людмилы». А много позже, уже в 1827 году, в черновике к поэме «Полтава», эта мысль будет выражена так:

*Что без тебя [свет.]<?>[мір]
Сибири хладная пустыня.*

Иными словами, уже одно то, что он на юге, а не на севере, напоминает Пушкину о Екатерине Андреевне. Недаром, в элегии «Погасло днёвное светило», написанной ночью на корабле, идущем в Гурзуф, конце августа 1820 года, возникает характерное противоречие: *говоря о местах, которые он впервые видит, мимо которых впервые проезжает, Пушкин говорит о своих воспоминаниях, связанных этими местами, о воспоминаниях любви:*

Чтец 1.

***Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило.***

Ведущий.

Тынянов уверен в том, что образ именно этой женщины, Екатерины Карамзиной, «преследовал» поэта

тогда, когда он стоял перед фонтаном слёз в Бахчисарае, и о ней он говорит в заключительных строках «Бахчисарайского фонтана».²⁵

Весь черновой набросок эпилога поэмы «Бахчисарайский фонтан» говорит о той же скрытой любви, что и элегия «Погасло дневное светило», и при этом в чертах ещё более конкретных.

Чтец 1.

*Лишь мне известные мечты
Меня глубоко занимали.*

*

*Иль только сладостный предмет
Любви таинственной, унылой –
Тогда... Но полно! вас уж нет,
Мечты невозвратимых лет,
Во глубине души остылой
Не тлеет ваш безумный след.*

*

*Мечтатель! полно! перестань!
Не пробуждай тоски напрасной,
Слепой любви, любви несчастной
Заплачена тобою дань...
Опомнись! – долго ль, раб послушный,
Тебе неволи цепь лобзать
И в свете лирой малодушной
Своё безумство разглашать.*

*

*Забудь мучительный предмет
Невозвратимых заблуждений.*

*

Чего ты жаждешь, посмеяний?

²⁵ Тынянов цитирует здесь слова Гершензона об «образе этой же женщины», с которыми согласен («Гершензон прав»), но делает из этой догадки свои собственные выводы, называя этой женщиной Е.А. Карамзину.

*

*Забудь
И слабость отроческих лет.*

*

*Ты возмужал средь испытаний,
Забыл проступки ранних лет,
Постыдных слёз, воспоминаний
И безотрадных ожиданий
Забудь мучительный предмет.²⁶*

Ведущий.

Здесь замечательны самые определения: это любовь слепая, несчастная, безумная, но прежде всего – **таинственная**. Однако же молчание о ней не распространяется на поэзию: поэт разглашает в свете своё безумство лирой. В чистовом варианте текста все эти конкретные моменты сглажены, скрыты. Между тем черновой набросок – это как бы непосредственная запись, поэтический дневник с автобиографическими чертами. «Безумная любовь» элегии «Погасло днёвное светило» точно здесь отнесена к **отроческим летам** и вызывает воспоминание о **посмеяниях**, о проступках ранних лет и «постыдных слезах».

Это поэтический двойник рассказов Блудова о том, как смеялись Карамзины над любовным письмом Пушкина, о месте в их Царскосельском китайском доме, облитом слезами Пушкина.

Так, может, на южных поэмах всё и закончилось? Но нет, откроем «Евгения Онегина», первую главу, и мы увидим там опять *точное определение* этой юношеской, ранней, «утаённой» любви.

²⁶ Тынянов цитирует черновики поэмы «Бахчисарайский фонтан» по изданию: Пушкин А.С. Полное собр. соч. в 16 т. Т. 4. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 398-400. Ср. здесь же: **Забудь мучительный предмет / Любви отверженной и вечной.**

Чтец 1.

*Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем,
Но я, любя, был глуп и нем.*

*

*...Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я всё грущу, но слёз уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет.*

Ведущий.

*Петрарка – точный поэтический термин у Пушкина: это поэт любви **платонической**, то есть духовной, чуждой материального и чувственного. Запомним это и обратимся к одной из величайших элегий Пушкина: «На холмах Грузии лежит ночная мгла»(1829 год).*

Чтец 1.

**На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.²⁷**

²⁷ Пушкин А.С. На холмах Грузии лежит ночная мгла... / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. Т. II. – М., 1981. – С. 149.

Эту элегию долгое время относили к Наталье Гончаровой, невесте поэта. Но когда пушкиновед С.М. Бонди, уже в начале 30-х годов XX века, впервые прочитал первоначальную редакцию элегии, оказалось, что эти стихи говорят вовсе не о новом чувстве, а о возвращении прежнего. Попробуем понять тайный смысл этого стихотворения по черновику, вместе с Тыняновым.

Чтец 1.

*Всё тихо. На Кавказ идёт ночная мгла.
Мерцают звёзды предо мною,
Мне грустно и легко, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою.
Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний,
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.*

Ведущий.

Тынянов вспоминает, как перед женитьбой Пушкина живо интересуется отношением Карамзиной к этому шагу, он как бы просит совета, участия, хочет знать её слова.

Он пишет 2 мая 1830 г. из Москвы Вяземскому:

Чтец 1.

*«Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке?
Я уверен в её участии, но передай мне её слова – они нужны
моему сердцу, и теперь не совсем счастливому».*

Ведущий.

А на письмо Пушкина, написанное сразу после женитьбы (с припиской молодой жены Натальи Николаевны), Карамзина отвечает (оригинал по-французски): *«Я очень признательна, что вы думали обо*

мне в первые мгновения вашего счастья, это истинное доказательство вашей дружбы».

Только о дружбе может идти речь в их отношениях. Но совсем не то в черновике элегии «На холмах Грузии...», там речь о любви. Там воспоминание об этой любви вытеснило все другие.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь...

Это было очень ясное воспоминание.

Таков вариант:

***Я снова юн и твой, и сердца моего
Ничто чужое [ничто иное] не тревожит.
В нём образ твой горит.***

Юн – говорится о **ранней** молодости; в черновике эпилога к «Бахчисарайскому фонтану» было воспоминание о той же женщине; и в стихах говорилось о **ранних**, даже отроческих летах.

Элегия говорит о той, к которой обращено и посвящение к «Полтаве»²⁸:

***Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.***

Эта «святыня» в словах:

Как пламень жертвенный, чиста моя любовь...

А о том, что здесь любовь не только прежняя, но и ранняя, сказано в последнем стихе:

²⁸ В той же статье «Безыменная любовь» (С. 227-231) Тынянов доказывает, что посвящение к поэме «Полтава» («Тебе... но голос музы тёмной...») А.С. Пушкина обращено к Е.А. Карамзиной.

И нежность девственных мечтаний.

Становится ясным, - пишет Тынянов, - как ложно долго державшееся, одно время даже ставшее ходячим представлением о Пушкине как о ветреном, легкомысленном, беспрестанно и беспечно меняющем свои привязанности человеке: мучительная и страстная любовь семнадцатилетнего «лицейского» заставила его в последний час прежде всего позвать Карамзину. Эта «утаённая», «безымённая» любовь прошла через всю его жизнь.

И ведь Катерина Андреевна стоила такого отношения! Поэт не разочаровался в той, которая всегда имела свой личный, глубоко искренний взгляд на события, происходившие как в России, так и в людских судьбах, — она вовсе не была всего лишь тенью своего знаменитого мужа. Так, Катерина Андреевна, в отличие от Карамзина, сочувствовала декабристам. И Пушкину было всегда важно её, отдельное мнение:

Скажи – не будешь ли сегодня

С Карамзиным, с Карамзиной? – пишет он в стихотворной записке Жуковскому в 1819 году. Или в 1824 году просит брата: ***«Напиши мне нечто о Карамзине, ой, ых»***. Это перечисление через запятую маскирует особый интерес к ней. Спрашивая о ней посторонних, Пушкин непременно добавляет имя ещё какой-нибудь дамы, чтобы вопрос не бросался в глаза. И только после дуэли, перед смертью, он называет её одну.

Чтец 2.

Жуковский передаёт в записях:

«Карамзина? Тут ли Карамзина? – спросил он спустя немного. Её не было; за нею немедленно послали и она скоро приехала. Свидание их продолжалось только минуту, но, когда Катерина Андреевна отошла от постели, он её

кликнул и сказал: «Перекрестите меня!» Потом поцеловал у неё руку».

Тургенев передаёт: «Она зарыдала и вышла».

Ведущий.

Тынянов пишет об основаниях Пушкина всю жизнь скрывать любовь к Катерине Андреевне Карамзиной: *Старше его почти на 20 лет, жена великого писателя, авторитета и руководителя не только литературных вкусов его молодости, но и всего старшего поколения, от отца Сергея Львовича, дяди Василия Львовича до П.А. Вяземского, она была неприкосновенна, самое имя её в этом контексте – запрещено.*

Думается, что было у Пушкина ещё одно основание, не отмеченное Тыняновым, - не упоминать имени Карамзиной, не давать повода для сплетен. Это его трепетная забота о достоинстве любимой женщины, особо, как никто, нуждавшейся в нерушимости этого достоинства. Дело в том, что Катерина Андреевна была незаконнорождённой: сестра, по отцу, князя Петра Андреевича Вяземского, она не была до замужества княжной Вяземской, а была Колывановой – по имени города Ревеля (Колывани), где родилась. Редкая красота, образованность, ум – слишком мало, по тем временам, чтобы считаться равной аристократам, равной собственному брату. Может, отсюда отмеченный этим братом, князем Петром Вяземским, её *«ужасный»²⁹ характер, её неровные отношения с падчерицей.*

И доказательством понимания Пушкиным непереносимости для женщины утраты всеобщего уважения может служить отповедь Татьяны Евгению Онегину в последней главе романа, когда она называет **«мелким чувством», «обидной страстью»** ту любовь, которая не

²⁹ Тынянов пишет, что эти сведения сообщены М.С. Боровкиной-Майковой.

учитывает, роняет достоинство любимой. Наверное, не будь у Пушкина опыта собственной, трагической и прекрасной, юношеской любви, читающий мир не узнал бы Татьяны Лариной. Но у него был этот опыт, была, говоря словами Татьяны, **«гордость и прямая честь»**, и мы должны быть благодарны за это Екатерине Карамзиной.

Карамзины приехали в Царское Село 25 мая 1816 года, Пушкин познакомился с ними почти сразу же. Воспоминание Блудова о том, что Карамзина³⁰ была ещё в 1816 году красавицей, подтверждается и другими... «Карамзина была в молодости необыкновенно красива, и следы этой красоты остались у неё в старости»³¹, - пишет биограф Карамзина... Просвещённая и умная, она помогала Карамзину в его занятиях: известно, что она держала вместе с ним все корректуры «Истории государства Российского».

Именно такой, красавицей и умницей, почти за четыре года до знакомства с Пушкиным, запомнил её Ярославль в 1812 году, во время наполеоновского нашествия. Накануне Бородинского сражения Карамзин пишет брату: «Наконец, я решился силою отправить жену мою с детьми в Ярославль, а сам остался здесь и живу в доме у главнокомандующего Фёдора Васильевича Ростопчина»³².

В Ярославль тогда перебрались, спасаясь от французов, и многие другие семейства: Вяземские, Соллогубы, Воронцовы, Толстые, Юсуповы, Ростопчины, Строгановы... Вряд ли мы знаем всех. Из московских беженцев составилась целый политический салон, который собирался в доме³³, где остановилась графиня Екатерина

³⁰ Годы жизни Е.А. Карамзиной: 16.11.1780 – 01.09.1851.

³¹ Тынянов цитирует А.В. Старчевского («Исторический вестник», 1888. - № 10. – С. 126).

³² Серова И.А. Ярославль и ярославцы в эпоху 1812 года / И.А. Серова. – Ярославль: Академия 76, 2012. – С.48-49.

³³ Усадьба Матвеевского, ныне - площадь Челюскинцев, дом №16 (Серова И.А. Ярославль и ярославцы в эпоху 1812 года / И.А. Серова. – Ярославль: Академия 76, 2012. – С.54).

Петровна Строганова, - совсем рядом с храмом Ильи Пророка.

А после оставления русской армией Москвы и Карамзин с Вяземским спешно направились к своим семьям в Ярославль. «При занятии французами Москвы в страшном пожаре сгорело всё богатейшее книгохранилище Н.М. Карамзина, к счастью, сохранились бывшие при нём рукописи и два полных списка его «Истории государства Российского»³⁴. Бывшие при нём в Ярославле...

К сожалению, портретов Екатерины Карамзиной в молодости не сохранилось. Тынянов считал, что, будучи чужда суетности, при жизни своего мужа она их и не заказывала. Единственный портрет, который мы знаем, написан уже в 1830-е годы неизвестным художником. По нему, формально, мы могли бы представить себе Екатерину Андреевну в ту незабываемую минуту, когда умирающий Пушкин поцеловал ей руку и попросил перекрестить. Но он-то видел её глазами сердца, глазами юности, глазами своей любви...

И надо же такому случиться, что в следующем веке, уже в Великую Отечественную войну, в 1941 году, когда тоже, как и в 1812-м, решалась судьба России, в Ярославле, в доме, и сейчас глядящем своими балконами на Губернаторский сад и храм Ильи Пророка (тот самый храм, который помнил Екатерину Карамзину), заканчивал свой роман о Пушкине Юрий Николаевич Тынянов.

Параллельно писались два рассказа о (конечно же!) героях 1812 года, о Кульневе и Дорохове. У Виктора Шкловского сохранилось тыняновское письмо от 24 августа 1941 года:

Чтец 2.

«Дорогой Витя! Где ты? Где твои? Я очутился в Ярославле. Хочу думать, что свидимся. Написал 2 страницы

³⁴ Серова И.А. Ярославль и ярославцы в эпоху 1812 года / И.А. Серова. – Ярославль: Академия 76, 2012. – С.49.

о Ленинграде, написал 6 страниц о партизане 12-го года. Может, в газету?»³⁵

Ведущий.

Тяжело больной писатель был эвакуирован из Ленинграда в Ярославль³⁶ в начале июля 1941 года со своей семьёй и семьёй Каверина (автора романа «Два капитана») - любимая младшая сестра Тынянова Лидия (жена Каверина) ухаживала за ним - и пробыл здесь до поздней осени.

Затем они уехали в эвакуацию ещё дальше, в город Пермь (тогда он назывался Молотов), потому что немецкие самолёты бомбили Ярославль, а Юрий Николаевич физически не мог спускаться в бомбоубежище.

Ярославль не был для Тынянова чужим городом: сюда переехали ещё до революции его родители, здесь, во время ярославского мятежа 1918 года, сгорела, вместе со многими рукописями и библиотекой³⁷, привезённая в каникулы им, студентом Петербургского университета, исследовательская работа о лицейском друге Пушкина Кюхельбекере. И сюда же потом, на улицу Рождественскую, дом 31, квартира 1 (ныне улица Большая Октябрьская)³⁸, где поселился его брат Лев Николаевич, который стал, как и отец, врачом, шли многочисленные письма от Юрия Николаевича Тынянова.

³⁵ Шкловский В. Город нашей юности /Виктор Шкловский // Воспоминания о Тынянове / сост. В.А. Каверин. – М., 1983. – С. 35.

³⁶ По устному свидетельству Михаила Александровича Нянковского, внучатого племянника Ю.Н. Тынянова, Юрий Николаевич сначала остановился на коммунальной квартире у своего брата Льва Николаевича (дедушки М.А. Нянковского), который, будучи военным врачом, находился в это время на фронте, командовал военно-санитарным поездом. Но затем, из-за тесноты, Тынянова перевезли в более просторную квартиру, к доктору Арону Фёдоровичу Опочинскому, который и жил в названном доме рядом с Губернаторским садом. По свидетельству Ирины Хоновны Шихваргер, живущей в этом доме, и Анны Семёновны Опочинской, жившей непосредственно в названной квартире, - это квартира № 12 по Народному переулку, д. № 6 (С.Левагина).

³⁷ Каверин В.А. Новое зрение: Книга о Юрии Тынянове / В.А. Каверин, В.И. Новиков. – М., 1988. – С. 40.

³⁸ Нянковский М.А. «О тех, кого помню и люблю...» Гаркави, Тыняновы, Рохленко, Нянковские / Н.А. Нянковский; худож. М.Е. Бороздинский. – Ярославль, 2009. – С. 81.

Ярославль видел, каким был молодой Тынянов: дома и улицы слышали его детский, залиvistый смех. Здесь ценили его талант изображать окружающих и исторические лица, его доброту и сердечность, невероятное обаяние его интеллекта, «какую-то особую врождённую внутреннюю грацию, неторопливое изящество... манер – жестов, мимики, разговора»³⁹, которые потом перенимали его студенты – они копировали даже его походку и трость, маскировавшие хромоту начинавшейся болезни.

Но вернёмся к пушкинской теме. В Перми Тынянову стало совсем плохо, и он попал в больницу. В сентябре 1942 года его навестил там Николай Корнеевич Чуковский и был поражён даже не тем, что писатель не мог уже двинуть ни рукой, ни ногой, а тем, «что в этом состоянии он продолжал работать над романом. Одна знакомая, тоже эвакуированная в Пермь из Ленинграда, приходила в больницу писать под его диктовку. И то, что он диктовал, – пишет Чуковский, – было умно, превосходно, талантливо. Прочтите его незавершённый роман «Пушкин» – и вы никогда не догадаетесь, что писал его смертельно больной человек»⁴⁰.

Поразительны воспоминания друга юности Виктора Шкловского о последних днях Юрия Николаевича в декабре 1943 года, в московской больнице. Шкловский уже ослепшего Тынянова выводил из чёрного обморока, из отключённого болезнью сознания стихами Пушкина, иногда просто его именем.

Чтец 3.

«Он не сразу начинал говорить... Он начинал в забытьи читать стихи и медленно возвращался ко мне, к другу по тропе стиха, переходил на дороги поэм. Креп голос,

³⁹ Успенский Л. Абсолютный вкус / Лев Успенский // Воспоминания о Тынянове / сост. В.А. Каверин. – М., 1983. – С. 113.

⁴⁰ Чуковский Н. Разговоры с Тыняновым / Н. Чуковский // Воспоминания о Тынянове / сост. В.А. Каверин. – М., 1983. – С. 292.

возвращалось сознание. Он улыбался мне и говорил так, будто мы только что сидели над рукописью...»⁴¹

Ведущий.

В этой рукописи была его жизнь. Помните, как сказано в романе «Пушкин»? **«Он не умер, не сошёл с ума. Он просто засмеялся какому-то неожиданному счастью. И, пришед домой, он всю ночь писал быстро... Когда он упал неожиданно к её ногам, когда у Карамзиных плакал бурно, он вдруг понял и почувствовал: есть одно лекарство от этого...»**⁴² Так было у юного Пушкина, на которого, как замечали все, Тынянов был удивительно похож. Так было и у Тынянова. И утаённая, безымянная любовь, прорывающаяся в творчестве, тоже была. А с нею - пушкинская **«гордость и прямая честь»**.

Вениамин Каверин, родной брат жены Тынянова Елены Александровны, через много лет после смерти своего друга так рассказал об этом:

Чтец 3.

«В середине тридцатых годов ленинградцы послали меня в Грузию на... конференцию грузинских писателей. Это было вскоре после Первого всесоюзного съезда⁴³. И эта поездка... запомнилась мне не только потому, что произносились значительные речи, ...а потому, что жена одного писателя вдруг подошла ко мне... и сказала, что в саду – Союз грузинских писателей был окружён божественным садом – меня ждёт дама, которой необходимо со мной поговорить.

Я немедленно спустился в сад. Меня ждала... Нет ничего труднее (это показал ещё Чехов), чем рассказать о

⁴¹ Шкловский В. Город нашей юности / В. Шкловский // Воспоминания о Тынянове / сост. В.А. Каверин. - М., 1983. – С. 36.

⁴² Тынянов Ю.Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов. – Горький, 1983. – С. 425-427.

⁴³ Первый съезд советских писателей проходил в 1934 году.

женской красоте. Я не знаю, кто рискнул бы поспорить с ним в решении этой бесконечно сложной задачи. Не решаюсь спорить и я. Скажу только, что лишь дважды в жизни видел я таких красавиц – Лилию Брик в Петрограде в 1921 году и грузинку, которая ждала меня в полумраке райского сада. У неё слегка продолговатый овал чистого молодого лица, рот изящно очерчен, разрез больших тёмно-карих глаз как будто слегка закруглён к вискам, и эта плавность придавала молодому лицу особенное выражение уюта. Выражение задумчивой нежности поражало с первого взгляда и стало ещё задумчивее и нежнее, когда начался этот поразивший меня разговор. Но к нему прибавилось (и вскоре изменило его) чувство тревоги.

Она назвала себя, извинилась... «У меня не было другой возможности увидаться с вами», и после каких-то незначительных фраз стала с беспокойством расспрашивать меня о Тынянове. «Ведь вы его близкий друг? Вы часто видите его? Он недавно был в Тбилиси!»

Она говорила с лёгким грузинским акцентом, и в мягком голосе чувствовалось напряжение тревоги.

Я отвечал, что знаю о его поездке и не сомневался, что он пробудет, как он и предполагал, в Тбилиси неделю. Но он вернулся почти через месяц.

- Да. Но он здоров?

Страшная болезнь – рассеянный склероз, - от которой через несколько лет скончался Тынянов, тогда ещё только начиналась.

- Здоров, - отвечал я, не сомневаясь в том, что он не говорил грузинской красавице о своём несчастье.

- Он уехал так неожиданно. Я даже думала, что обидела его чем-нибудь.

Что я мог ей сказать? Он рассказывал о встречах с Тицианом Табидзе, с Паоло Яшвили, с Георгием Леонидзе. Но о ней не упомянул ни словом...

- Уехал, не простившись со мной, - повторила она и потом повторила, может быть, не слыша себя, - не простившись.

Для неё это было событием трагическим и не находящим никакого естественного объяснения.

Мы долго молча сидели на скамейке, хотя говорить было больше не о чем. Она, мне кажется, боролась с отчаянием, которое не хотела показать незнакомому человеку.

- Передайте ему, что я нисколько не сержусь на него. Но, может быть, он мне напишет?

Она назвала, а я записал адрес – не её, а её подруги, которая оставила нас, когда я спустился с террасы в сад.

- Скажите, что я жду его. И всегда буду ждать, - сказала она просто, как будто иначе и быть не могло, как будто ждать его – год, два или три, всю жизнь – не стоило ей никакого труда.

Я обещал передать ему наш разговор, и мы простились. Я поцеловал её руку, а она поцеловала меня в лоб – как сына, хотя я был старше её лет на десять.

Только что вернувшись в Ленинград, я пошёл к Юрию Николаевичу и, улучив минуту, когда мы остались одни, рассказал ему об этой встрече.

Не могу передать, с какой горестью, с какой горечью он слушал меня...

- Что ты сделал? Оставить такую женщину? Да у тебя жизнь была бы совершенно другой.

- Да я же болен! Я тяжело болен и не рассказал ей об этом.

- Она ухаживала бы за тобой. Она сделала бы всё для тебя.

Он беспомощно раскинул руки. Я знал этот жест отчаянья, разрушения, невозможности жить и работать...

- И, пожалуйста, не напоминай мне о ней.⁴⁴

Ведущий.

По воспоминаниям Каверина, Юрий Николаевич не был счастлив в семейной жизни. Он любил жену, дочку, но его близкие не замечали, что рядом с ними человек выдающийся, гениальный, первооткрыватель в области теории языка и литературы, необыкновенный писатель. Его труды совершенно не ценились, жену Елену Александровну вечно раздражало, когда он выходил из-за стола, чтобы записать возникшую мысль, и она требовала, чтобы он немедленно вернулся к гостям.

«В семье, - пишет Вениамин Каверин, - он был только «добытчик», и весьма неудачливый «добытчик», потому что жили весело, но бедно».⁴⁵ Елена Александровна - красавица, талантливая виолончелистка, — в юности рассчитывала на блестящее артистическое будущее, но перед выпускным концертом в консерватории переиграла руку. Вылечить руку не удалось, о славе пришлось забыть, но амбиции остались прежними. Она стала музыковедом, и в доме ценился только её круг - музыкантов, музыковедов, а Тынянов оставался в душевном одиночестве.

Это добавляло горечи в его жизнь, в которой и так шли страшные тридцатые сталинские годы двадцатого столетия — с арестами друзей и хлопотами за них, с жестокостью, которую он ненавидел, с непониманием того нового, что он вносил в науку и литературу, с насильственным прерыванием человеческой памяти.

Каверин пишет, что Тынянов в 1937 году пытался покончить жизнь самоубийством. «Должно быть, соединилось всё — и мучительная, долго не налаживающаяся работа над романом «Пушкин», и аресты

⁴⁴ Каверин В.А. Новое зрение: Книга о Тынянове / В.А. Каверин, В.И. Новиков. — М., 1988. — С. 212-213.

⁴⁵ Там же, с. 211.

друзей, и сознание беспомощности перед блеснувшей возможностью счастья, от которой он сознательно отказался».⁴⁶ Смертельная попытка не удалась. Он остался жить, чтобы дописать свой роман, его последнюю страницу, вот эти строки:

Чтец 2.

«Так началась его высылка.

Он был обречён на эту любовь, бывшую безумием.

Он знал, что – слава богу! – никто ни слова о ней не скажет. Слава богу! Хотя его первая вспышка, безумная, мальчишеская, идущая на смешную неудачу, эта вспышка, с детскими слезами, вдруг хлынувшими из глаз, неудержимыми, которые все умные запомнят, простая, детская выходка, что она имела общего с этими ранами, глубокими ранами любви?

Всё это и была она.

Умным глазам были милы его стихи, она их знала, любила. Она их понимала. Знала весь их ход, несбывшиеся, забытые им потом намерения. И смеялась над его дуэлями, как над мальчишеством.

Он писал эту элегию как последнее, что предстояло сказать.

Ничего другого он не скажет.

Ни о ком другом. Ни о чём другом.

И то, что это было последним, делало каждое слово правдой. Элегия была заклинанием. Он смело мог писать всю правду, спокойствие Катерины Андреевны было нерушимо. Всё же он напишет Лёвушке, чтоб послал печатать без подписи. В поэзии, как в бою, не нужно имя.

Он знал: когда будет писать о ней, свидетелем всегда будет ночная мгла или, как теперь, - угрюмое

⁴⁶ Каверин В.А. Новое зрение: Книга о Тынянове / В.А. Каверин, В.И. Новиков. – М., 1988. – С. 216.

море. И эта его любовь, которую излечить было невозможно, которая была с ним всегда, напоминала только рану, рану, которую лучше всего знал старый Раевский, любивший своего лекаря за то, что тот не тешит его надеждами на исцеление. И знает, когда к погоде рана занывает.

Выше голову, ровней дыханье. Жизнь идёт, как стих.

...Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Недаром он выслан был на юг. Не на севере, а здесь, именно здесь, зачинался лицей <...>

Да здравствует лицей!

И здесь он писал элегию о любви невозможной, в которой ему отказало время. Как проклятый, не смея назвать её имени, плыл он, полный сил, упоенный воспоминанием обо всём, что было запретно, что сбыться не могло». ⁴⁷

Чтец 1.

А.С. ПУШКИН
ЭЛЕГИЯ «ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО...»
* * *

Погасло днёвное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоенный...
И чувствую: в очах родились слёзы вновь;

⁴⁷ Тынянов Ю.Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов. – Горький, 1983. – С. 462-463.

Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые,
Подруги тайные моей весны златые,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...⁴⁸

1820

⁴⁸ Пушкин А.С. Погасло дневное светило... / А.С. Пушкин // Собр. соч. в 10 т. Т. I. – М., 1981. – С. 241-242.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания о Тынянове [Текст] / сост. В.А. Каверин. - М.: Сов. писатель, 1983. – 311 с.
2. Каверин, В.А. Новое зрение: Книга о Тынянове [Текст] / В.А. Каверин, В.И. Новиков. – М.: Книга, 1988, - 320 с.
3. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина [Текст] / В.С. Непомнящий. – М. Сов. писатель, 1987, - 448 с.
4. Нянковский М.А. «О тех, кого помню и люблю...» Гаркави, Тыняновы, Рохленко, Нянковские [Текст] / Н.А. Нянковский; худож. М.Е. Бороздинский. – Ярославль, 2009, - 240 с.: ил.
5. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. ТТ. I, II, III, IV. – М., 1981.
6. Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. – М.: АСТ, 1999. - 808 с.: ил.
7. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста: учебн. пособие для студ. вузов [Текст] / Филип Райс; пер. с англ. – 8-е междунар. изд. – СПб: Питер, 2000. – 656 с.: ил. - (Мастера психологии).
8. Серова И.А. Ярославль и ярославцы в эпоху 1812 года [Текст] / И.А. Серова. – Ярославль: Академия 76, 2012. – 128 с.: ил.
9. Тынянов, Ю.Н. Безыменная любовь [Текст] / Ю.Н. Тынянов// Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники / Ю.Н. Тынянов; сост. и подгот. текста В.А. Каверина и З.А. Никитиной; коммент. А.Л. Гришунина и А.П. Чудакова; отв. ред. акад. В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1968. – С. 209 - 232.
10. Тынянов Ю.Н. Пушкин [Текст] / Ю.Н. Тынянов. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. – 480 с.
11. Шпрангер Э. Эротика и сексуальность в юношеском возрасте [Текст] / Э. Шпрангер // Возрастная психология: Детство, отрочество, юность: хрестоматия: учеб. пособие для студ. пед. вузов / сост. и науч. ред. В.С. Мухина, А.А. Хвостов. – М., 2000. – С. 505-506.

«Жизнь идет, как стихи»
(ярославский литературный сюжет о тайнах юношеской любви)

автор-составитель С.Н. Левагина
ответственный за выпуск Н.Н. Щепеткова

Тираж 50 экземпляров

Отпечатано в ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека
им. А.А. Суркова»
150048, г. Ярославль, Московский проспект, 147